

- Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

УДК / UDC 31

Демографическое развитие Дальнего Востока России (XVII–XX вв.)¹

Глеб Вадимович Латыш¹

Demographic Development of the Russian Far East (17th – 20th Centuries)

Gleb V. Latish¹

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (стр. 1, д. 82, пр-кт. Вернадского, 119571 Москва, Российская Федерация)

аспирант

Postgraduate Student

 0009-0001-8857-6252. E-mail: gleblatish[at]yandex.ru

Аннотация. Целью данного исследования является комплексный анализ демографической истории Дальнего Востока России в период с XVII в. по XX в., охватывающий ключевые этапы заселения региона в период Российской империи и СССР. В работе рассматриваются динамика численности населения, факторы ее изменения, включая миграционные процессы, государственную политику, социально-экономические условия и экзогенные кризисы, а также их долгосрочное влияние на формирование демографической структуры региона. *Методологическая основа* исследования базируется на системном подходе, сочетающем анализ статистических данных и научной литературы. Применяются как количественные, так и качественные методы. Особое внимание уделяется периодизации демографических процессов в контексте ключевых исторических событий, определявших специфику освоения Дальнего Востока. *Результаты* исследования демонстрируют, что демографическое развитие региона носило волнообразный характер с чередованием периодов активного заселения и стагнации. В XVII–XVIII вв. население росло медленно из-за экстремальных природных условий и от-

существия системной колонизации, в то время как в XIX в., особенно после строительства Транссиба, начался устойчивый рост, связанный с аграрными переселениями и военно-стратегическим закреплением территории. В советский период демографическая динамика усложнилась: принудительные миграции 1930–1950-х гг. обеспечили резкий прирост, но последующая урбанизация и экономические дисбалансы привели к оттоку населения в европейскую часть страны. Таким образом, демография Дальнего Востока складывалась под влиянием не только естественных факторов, но и целенаправленной государственной политики, что обусловило ее уникальную специфику в сравнении с другими регионами России.

Ключевые слова: демография, миграция, Дальний Восток, население, Российская империя, СССР

Для цитирования: Латыш Г. В. Демографическое развитие Дальнего Востока России (XVII–XX вв.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 1. С. 132–145. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-1-33-132-145

Abstract. The development of the Far East began in the 17th century with the expeditions of the Cossacks, who founded prisons, which became control centers. However, the population growth was held back by the harsh climate, gender imbalance, and conflicts with local tribes. In the 19th century, systemic measures (military colonization, peasant resettlement, sea transportation) contributed to the increase in the population, although by the beginning of the 20th century it did not exceed 1.3 million people. During the Soviet period, the demography of the region developed under the influence of industrialization, forced migration, and infrastructure projects. By 1989, the population reached 8 million, however structural problems (staff turnover, lack of infrastructure) led to the crisis of the 1990s. Thus, the demographic history of the Far East reflects the cyclical nature caused by the government regulation and socio-economic conditions. The sustainability of the population depended not only on migration policy, but also on the balanced development of the region.

Keywords: demography, migration, Far East, population, Russian Empire, USSR

For citation: Latish G. V. Demographic Development of the Russian Far East (17th–20th Centuries). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2025. No. 1. Pp. 132–145. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-1-33-132-145

1. Введение

Дальний Восток России — обширный регион, занимающий около 40 % территории страны, но исторически отличающийся низкой плотностью населения. Этот богатый природными ресурсами регион, включающий Приамурье, Приморье, Камчатку, Сахалин и другие территории, играет ключевую роль в российской геополитике на востоке, обеспечивая выход к Тихому океану. Однако освоение дальневосточных земель и формирование устойчивой демографической структуры представляет собой крайне сложный процесс с учетом местной специфики региона.

Динамика демографии Дальнего Востока отражает общероссийские демографические тенденции, но вместе с тем имеет свои уникальные особенности. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке остается сложной, несмотря на предпринимаемые меры. Регион продолжает терять

население начиная с 1991 г., причем наиболее значительные потери наблюдаются в северных субъектах, таких как Чукотский АО и Магаданская область — в обоих случаях население сокращается приблизительно на 3/4. Основными факторами депопуляции являются естественная убыль и миграционный отток, особенно среди молодежи и квалифицированных кадров.

Ключевой проблемой стало демографическое старение населения, вызванное как снижением рождаемости, так и миграцией местного населения. Миграционные процессы в регионе носят двойственный характер: несмотря на отток местного населения в центральные регионы, наблюдается приток трудовых мигрантов из стран СНГ, особенно из Киргизии, Таджикистана и Узбекистана. Однако их интеграция требует дополнительных усилий, и вместе с тем для большинства мигрантов из отмеченных государств переезд на Дальний Восток преимущественно связан с трудовой деятельностью. Кроме того, высокие цены на жилье, низкие зарплаты, недостаточно развитая инфраструктура делают регион непривлекательным для постоянного проживания, несмотря на программы государственной поддержки.

В долгосрочной перспективе эти тенденции угрожают геополитической стабильности региона, учитывая его стратегическое значение и низкую плотность населения. В этой связи особый интерес для исследования представляет демографическое развитие Дальнего Востока на разных исторических этапах. Принимая во внимание уникальность и специфику Дальнего Востока, властями предпринимались различные меры для заселения этого стратегически важного региона: начиная с первых казачьих экспедиций XVII в. и заканчивая демографическими программами, учитываяющими особенности этого региона. В данной статье мы рассмотрим ключевые этапы демографического развития Дальнего Востока, проанализируем меры по повышению численности населения и определим причины динамики демографической трансформации региона.

2. Материалы и методы

В основу настоящего исследования лег комплекс разнообразных источников, позволяющих всесторонне проанализировать демографическое развитие Дальнего Востока в XVII–XX вв. Важнейшую группу материалов составили архивные документы и статистические данные, включая материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. и Всесоюзных переписей 1926–1989 гг., а также отчеты переселенческих управлений и ведомств за 1861–1917 гг. В исследовании учтены данные специализированных научных изданий и научных публикаций [Захаров 2024: 114–125; Микрюков 2023: 65–84; Митрошин 2023: 6–18; Моисеева, Мищук 2024: 18–33; Чернолуцкая 2014: 23–37; и др.]. Такой комплексный подход к источниковой базе позволил обеспечить репрезентативность и достоверность полученных результатов.

Методологическая основа исследования базируется на системном подходе, сочетающем анализ статистических данных и научной литературы. Применяются как количественные методы (демографический анализ естественного и миграционного прироста, половозрастной структуры), так и качественные (историко-сравнительный анализ, оценка влияния политических и экономических факторов). Особое внимание уделяется периодизации демографических процессов в контексте ключевых исторических событий, определявших специфику освоения Дальнего Востока.

3. Освоение Дальнего Востока

Освоение Дальнего Востока русскими поселенцами началось в середине XVII в. с экспедиций казаков и землепроходцев. В 1639 г. отряд Ивана Москвитина вышел к побережью Охотского моря, а в 1640-х гг. Василий Поярков и Ерофей Хабаров исследовали бассейн Амура [Забияко 2023: 111]. Эти первопроходцы закладывали остроги — укрепленные поселения, которые становились центрами управления и сбора ясака (натурального налога) с местного населения. Вместе с тем, учитывая оборонительный характер данных сооружений, они становились центром притяжения для местных жителей, поскольку, помимо фискальных функций, могли обеспечить стабильную и безопасную зону проживания [Забияко 2023: 116], что было в новинку для коренных жителей и положительно сказалось на росте населения.

Особенностью этого периода было то, что русские поселенцы (в основном казаки, промысловики и крестьяне-старообрядцы) осваивали территории, которые формально принадлежали Цинской империи, но фактически не контролировались ею [Алексеев 1982: 34]. Это привело к русско-цинскому конфликту, завершившемуся Нерчинским договором 1689 г., согласно которому Россия временно отказалась от претензий на Приамурье [Забияко 2023: 122].

Население региона в этот период было крайне малочисленным [Алексеев 1982: 33-159]:

- коренное население (дауры, эвенки, нивхи, удэгейцы и др.) занималось преимущественно охотой и рыболовством, ведя полукутовой образ жизни;

- русское население исчислялось сотнями человек, сосредоточенными в немногочисленных острогах и зимовьях [Забияко 2023: 112];

- основными факторами, сдерживавшими рост населения, были суровый климат, трудности снабжения, гендерный дисбаланс (большинство переселенцев были мужчинами), конфликты с местными племенами и маньчжурями [Алексеев 1982: 86-37].

Несмотря на это, уже в XVII в. началась стихийная крестьянская колонизация, усилившаяся после церковного раскола, когда старообрядцы мигрировали на восток в период социально-религиозной неопределенности [Болонев 2013].

- Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

В середине XIX в. начался качественно новый этап освоения благодаря деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева и исследователя Г. И. Невельского. В 1850 г. Г. И. Невельский основал Николаевский пост в устье Амура [[Основан Николаевский пост](#)], что положило начало возвращению России в регион.

Власти Российской Империи предпринимали систематические меры для заселения Дальнего Востока:

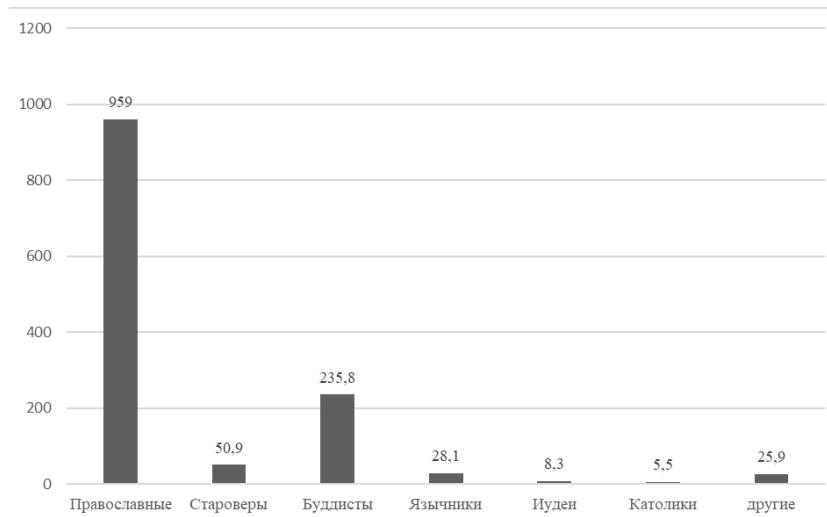
1) военная колонизация — создание сети военных постов и переселение казаков. К 1862 г. на Амуре и Уссури поселилось около 16,4 тыс. забайкальских казаков [[Коваленко 2017: 106](#)].

2) крестьянское переселение — с 1861 г. Приамурье и Приморье были объявлены открытыми для заселения. Крестьянам предоставлялись льготы: до 100 десятин земли на семью, освобождение от податей и ре-крутской повинности [[Осипов, Тютюнников 2007: 99](#)].

3) морские перевозки — с 1883 г. переселенцев начали доставлять морем из Одессы во Владивосток, что сократило время в пути и увеличило поток мигрантов (56 тыс. человек в 1883–1901 гг.) [[Нефедова, Трейвиш 2006: 4](#)].

Вышеуказанные меры способствовали достижению определенных результатов: если в 1850-х гг. русское население исчислялось сотнями, то к 1900 г. в Приморье переселилось около 70 тыс. человек [[Нефедова, Трейвиш 2006: 4](#)]. Основную массу переселенцев составляли крестьяне (86,2 %) и казаки (11,2 %) [[Нефедова, Трейвиш 2006: 4](#)]. Среди крестьян преобладали выходцы из юго-западных территорий Российской империи [[Блохинская 2011: 25](#)], что во многом определило этнокультурный облик региона.

По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. мы не можем сформировать целостную картину в части опре-

Рис. 1. Религиозный состав Дальнего Востока (тыс. чел.)
Источник: составлено автором по: [[Первая всеобщая 6, 1905: 52–57](#)].

деления этнической принадлежности жителей Дальнего Востока в связи с проводимой в Российской империи национальной политикой. Однако мы можем проанализировать данные относительно родного языка и вероисповедания проживавших на территории Дальнего Востока жителей (см. рис. 1, табл. 1). С учетом особенностей административно-территориального деления 1897 г. мы используем терминологию того времени для наиболее корректной интерпретации демографических показателей региона. Характерные черты данного деления региона отмечены в работе «Население Дальнего Востока 1895–1914 гг.: динамика естественного воспроизводства» В. А. Зверева [[Зверев 2016: 13–19](#)].

Согласно данным, представленным на рис. 1, к концу XIX в. большая часть населения причисляла себя к православным (73 %) и буддистам (18 %). Небольшую часть населения составляли староверы (3,9 %), язычники (2,1 %), иудеи (0,6 %) и католики (0,4 %).

Таблица 1. Религиозный состав Дальнего Востока 1897 г. (в тыс. чел.)

Всего	Амур-ская об-ласть	Забайкаль-ская об-ласть	Примор-ская об-ласть	Сахалин	Якутская облас-ть
Православные	91,6	443	140,3	19,5	264,6
Староверы	14,3	36,6	–	–	–
Буддисты	8,4	174,2	52,8	0,4	–
Язычники	3,8	–	20,8	3,5	–
Иудеи	0,3	8	–	–	–
Католики	–	–	3,7	1,8	–
Другие	1,9	10,2	5,7	2,8	5,3
Всего	120,3	672	223,3	28	269,9

Источник: составлено автором по: [[Первая всеобщая 6, 1905: 52–57](#)].

В то же время религиозный состав того периода сильно варьировался в зависимости от региона. Так, если религиозный состав Якутии был сравнительно однородный — 98 % населения составляли православные, то в Забайкалье и Приморье буддисты составляли порядка 25,9 % и 23,6 % населения соответственно. В свою очередь на территории Амурской области практически каждый десятый житель был старовером (11,9 %), а 7 % населения были буддистами. На Сахалине же 12,5 % жителей были представителями различных языческих верований и 6,4 % населения исповедовали католицизм. Подобное религиозное разнообразие во многом определило социальные особенности региона.

Данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. детально описывают все языковые особенности региона. Так, в документе указана информация о носителях русского, китайского, маньчжурского, корейского, тунгусского, бурятского, идиша, татарского, монгольского, чукотского, эскимосского, польского, корякского, алтайского, якутского, нанайского, японского, немецкого, армянского, айнского и

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

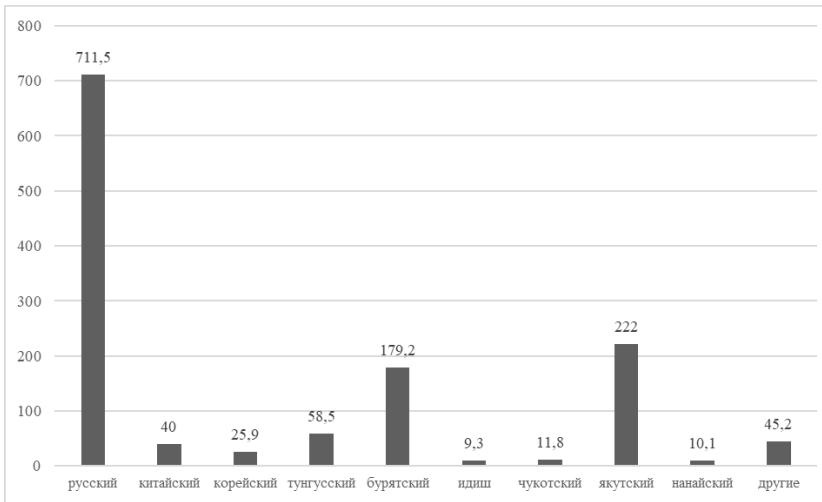

Рис. 2. Языковая принадлежность жителей Дальнего Востока (в тыс. чел.)

Источник: составлено автором по: [Первая всеобщая 7, 1905: 34–36].

Таблица 2. Языковая принадлежность жителей Дальнего Востока (в тыс. чел.)

	Амур- ская об- ласть	Забай- кальская область	При- морская область	Саха- лин	Якут- ская об- ласть	Дальний Восток
Всего	120,3	672	223,3	28	269,9	1313,5
русский	103,9	444,8	113,7	18,3	30,8	711,5
китайский	7,8	1,3	30,8	0,1	-	40
корейский	1,6	-	24,3	-	-	25,9
тунгус- ский	1,4	29,6	16,6	0,1	10,8	58,5
бурятский	-	179,2	-	-	-	179,2
идиш	-	7,5	1,8	-	-	9,3
чукотский	-	-	10,2	-	1,6	11,8
якутский	-	-	0,5	-	221,5	222
нанайский	-	-	8,2	1,9	-	10,1
другие	2,3	8	4,3	4,4	3,9	45,2

Источник: составлено автором по: [Первая всеобщая 7, 1905: 34–36].

других языков Дальнего Востока. Вместе с тем в ходе исследования мы уделяем особое внимание носителям языков, совокупная численность которых превышает 0,5 % от общего количества жителей Дальнего Востока того периода [Первая всеобщая 6, 1905; Первая всеобщая 7, 1905] (см. рис. 2, табл. 2).

При анализе языковой принадлежности у нас появляется более детальная картина относительно результатов проводимой в регионе национальной политики. Так, при сравнении религиозного и языкового состава

мы отмечаем, что для 54,2 % населения является родным русский язык, а для 16,9 % — якутский. В то же время, учитывая тот факт, что православие стало религией для приблизительно 73 % населения Дальнего Востока и 98 % населения Якутской области того периода, мы можем сделать вывод об эффективности проводимой в регионе национальной политики в части христианизации коренного населения Дальнего Востока, подтверждением которой в наше время является высокая популярность русских имен и фамилий среди жителей данного региона. Из данных, представленных на рис. 2, мы видим, что для значительного количества жителей бурятский (13,6 %), тунгусский (4,5 %), китайский (3 %) и корейский (2 %) являются родными языками.

При анализе языковой принадлежности жителей Дальнего Востока в региональном разрезе мы также видим существенные различия. Например, в Якутии, русский язык является родным лишь для 11,4 % жителей, в то время как якутский — для 82,1 %. Для значительной части населения Забайкальской области бурятский язык считался родным — 26,7 %. Наиболее разнородной в части языковой принадлежности является Приморская область — русский язык считали родным чуть более половины общего населения (50,9 %), китайский — 13,8 %, корейский — 10,9 %, тунгусский и чукотский — 7,4 % и 4,6 % населения соответственно.

Однако население региона оставалось крайне немногочисленным — к началу XX в. на территории Дальнего Востока проживало менее 1,3 млн чел. [Зверев 2016: 14], в то время как в Томской губернии проживало на 48 % больше чел. — 1,93 млн чел. [Первая Всеобщая 6, 1905: 56], чем в Дальневосточном регионе.

Советский период стал ключевым этапом в демографическом развитии Дальнего Востока, когда государственная политика заселения территории сочеталась с экономическими и геополитическими задачами. Этот регион, обладая стратегическим значением, требовал устойчивого роста населения для освоения природных ресурсов и укрепления границ.

После революции 1917 г. демографическая ситуация на Дальнем Востоке развивалась в русле общероссийских тенденций, но в то же время с учетом местной специфики. Советское правительство, осознавая стратегическое значение региона, начало проводить активную демографическую политику. Так, к окончанию Гражданской войны СССР взял курс на плановое заселение Дальнего Востока. Добровольному переселению на «оторванные» от места проживания большей части населения СССР территории способствовали льготы — бесплатные земли, налоговые каникулы, компенсация переезда, предназначенные для крестьян и рабочих из центральных регионов [Занданова 2007: 37–38]. В 1920-е гг. основным инструментом заселения стали экономические стимулы: переселенцам предоставлялись значительные льготы, включая освобождение от налогов на 5–10 лет, бесплатный проезд до места назначения и земельные наделы [Вологдина 2010: 71]. Однако эти меры не дали ожидаемого эффекта: за 10 лет в регион прибыло лишь около 150 тыс. переселенцев на

добровольной основе [Жиромская 2001]. Вместе с тем население Дальнего Востока увеличивалось и за счет строительства колоний-поселений [Чернолуцкая 2011: 56]. В период Российской империи ресурсы Дальнего Востока во многом определяли социально-экономический облик региона (в тот момент крайне ценился мех [Чапаев 2011: 244–245]). В период СССР развитие добывающей промышленности (уголь, золото, рыба [Мотрич 2015: 8]) и транспортной инфраструктуры оказало значимое влияние на привлечение и закрепление населения в регионе. В результате к 1939 г. население региона выросло до ~2,4 млн. чел. [Ткачева 2007: 61], однако сохранялся гендерный дисбаланс (преобладание мужчин среди мигрантов) и высокая текучесть кадров из-за тяжелых условий жизни [Крушинова 2012: 22]. Согласно переписи 1923 г., в Амурской области проживало 240 тыс. русских [Блохинская 2011: 29]. Индустриализация 1930-х гг. привела к росту городского населения (Владивосток, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре) [Колбина, Найден 2013: 59–60]. Вместе с тем Дальневосточный регион стал местом ссылки, что также увеличивало численность населения [Чернолуцкая 2011: 56].

Великая Отечественная война и связанные с ней демографические потери затронули также Дальний Восток, хотя и в меньшей степени, чем европейскую часть страны. Снижение рождаемости в годы Великой Отечественной войны было связано не только с постановкой страны на военные рельсы, но и с событиями времен Гражданской и Первой мировой войн: сформировавшаяся в тот период демографическая яма оказала значимое воздействие на численность населения. В годы Великой Отечественной войны Дальний Восток стал тыловой базой — мобилизация затронула порядка 0,5 млн. чел. (22 % населения региона) [Ткачева 2010: 5–15]. Передислокация промышленных предприятий из западных областей и использование поставок по ленд-лизу из дальневосточных портов оказали значимое влияние на промышленную базу региона как во время Великой Отечественной войны, так и после нее [Прохоров 2002: 118]. Вместе с тем естественный прирост населения снизился до 0,8 % из-за мобилизации мужчин и продовольственного кризиса [Мотрич 2006: 16].

В послевоенный период на демографическую ситуацию на Дальнем Востоке сильно повлияли, с одной стороны, демобилизация солдат, депортация корейцев и других «неблагонадежных» групп, а с другой — усиление миграционных льгот, таких как «северные надбавки» и программы субсидирования жилья [Постановление СМ СССР № 1029; Постановление Госкомтруда СССР и Президиума ВЦСПС № 380/П-18; Постановление ЦК КПСС, СМ СССР и ВЦСПС № 620; и др.]. Послевоенный период характеризовался масштабными миграционными процессами. Программа освоения целинных земель (1954–1965 гг.) привлекла на Дальний Восток около 1,4 млн. переселенцев, преимущественно из Украины, Центрального Черноземья и Поволжья [Платонова 2009: 10]. В отличие от довоенного периода акцент делался на добровольное переселение семейных работников с предоставлением жилья и социальных гарантий. Указанные меры спо-

существовали достижению определенных результатов — к 1959 г. население достигло 4,8 млн. чел. [Мотрич 2015: 8]. Вместе с тем промышленное развитие региона (в тот период — добыча полезных ископаемых, рыбная промышленность [Мотрич 2015: 8]) оказало положительное влияние на стимулирование миграции (хотя часто она носила сезонный характер). Кроме того, строительство крупных инфраструктурных проектов, таких как Байкало-Амурская магистраль в 1970–1980-х гг., привлекло новых переселенцев. Пик численности населения был достигнут в 1989 г. (~8 млн. чел.) [Мотрич 2015: 8], после чего начался спад. Важным аспектом стала урбанизация региона. Если в 1926 г. городское население составляло лишь 28 % [Предварительные итоги 1927: 32], то к 1989 г. — уже 76 % [Итоги 1990: 13]. Однако этот процесс носил «очаговый» характер: 45 % городского населения концентрировалось всего в 5 крупнейших городах (Владивосток, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Благовещенск, Якутск) [Национальный состав 1990: 23–24], что создало серьезные диспропорции в развитии территорий. В этот период начали проявляться проблемы, которые в последующем приведут к демографическому кризису 1990-х гг.: высокая текучесть кадров, дефицит товаров и недостаточное развитие инфраструктуры, сокращение финансирования. Не стоит забывать в этом процессе влияние на демографию региона сложных климатических условий, характерных для региона. Указанные события во многом определили этнокультурный облик региона. Так, согласно данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., большую часть населения Дальнего Востока составили русские — 79,8 % [Национальный состав 1990: 145–153]. Вместе с тем значительную долю населения составляли украинцы (7,8 %), якуты (3,6 %) и белорусы (1,3 %) [Национальный состав 1990: 143–153].

4. Обсуждение

Проведенное исследование демографической истории Дальнего Востока с XVII в. по XX вв. позволяет обозначить ряд взаимодополняющих моментов с работами других авторов, изучавших эту проблематику. Сравнительный анализ показывает, что большинство исследователей выявляет одинаковые ключевые тенденции — роль миграции, влияние государственной политики и цикличность демографических процессов, но интерпретируют их по-разному в зависимости от хронологических рамок и методологических подходов.

В исследовании Е. Л. Мотрич особое внимание уделяется роли миграции. В работе подчеркивается, что Дальний Восток исторически формировался за счет миграционных волн [Мотрич 2015: 6–8] — от казачьих экспедиций XVII в. до советских программ переселения. В работах Г. А. Ткачевой и Е. Л. Мотрич показано, что миграция была основным драйвером роста населения, но в постсоветский период превратилась в фактор депопуляции из-за оттока молодежи [Мотрич 2015: 6; Ткачева 2010: 14].

Г. А. Ткачева отмечает важность государственного регулирования миграционных процессов в 1941–1945 гг. [Ткачева 2010: 74], что коррели-

рует с данными нашего исследования о мобилизационной экономике военных лет. Однако если Г. А. Ткачева делает упор на демографические потери, мы дополняем анализ долгосрочными последствиями, такими как урбанизация и дисбаланс половозрастной структуры.

Все перечисленные авторы сходятся в том, что демография Дальнего Востока развивалась волнообразно: периоды активного заселения (XIX в., 1930–1950-е гг.) сменялись стагнацией (1920-е гг., 1990-е гг.). Мы, вслед за Е. Л. Мотрич [Мотрич 2015: 6–14], связываем это с зависимостью от государственных программ, которые часто не учитывали социально-экономические условия региона.

5. Заключение

Проведенное исследование демографической истории Дальнего Востока России в период с XVII в. по XX вв. позволило выявить ключевые тенденции и закономерности, определявшие динамику численности и структуры населения данного региона. Анализ демографических процессов в длительной исторической ретроспективе свидетельствует о том, что они носили нелинейный характер, формируясь под воздействием целого комплекса факторов, включая государственную политику освоения территорий, миграционные потоки, социально-экономические трансформации и geopolитические условия.

На начальном этапе колонизации (XVII–XVIII вв.) демографический рост сдерживался экстремальными природно-климатическими условиями, отсутствием системной переселенческой политики и периферийным статусом региона в структуре Российского государства. Качественные изменения произошли во второй половине XIX в., когда реализация целенаправленных мер по стимулированию переселения (аграрные реформы, транспортное строительство, военно-административное закрепление территорий) обусловила переход к устойчивому демографическому росту.

В советский период демографическое развитие региона характеризовалось выраженной цикличностью. Политика форсированной индустриализации и принудительных миграций 1930–1950-х гг. обеспечила резкий прирост населения, однако впоследствии структурные диспропорции в экономике, недостаточное развитие социальной инфраструктуры и ухудшение качества жизни привели к усилению миграционного оттока. Несмотря на достижение максимальных показателей численности населения в конце 1980-х гг., накопленные системные проблемы предопределили глубокий демографический кризис 1990-х гг.

Таким образом, демографическая история Дальнего Востока России представляет собой сложный процесс, в котором естественные факторы развития тесно переплетались с целенаправленным государственным регулированием. Полученные результаты исследования позволяют заключить, что устойчивость демографической системы региона в долгосрочной перспективе зависела не только от миграционной политики, но и от сбалансированности социально-экономического развития. Выявленные

исторические закономерности могут служить методологической основой для разработки современных стратегий демографического и пространственного развития Дальневосточного региона.

Источники

Всесоюзная перепись населения 1989 — Всесоюзная перепись населения 1989 г. Национальный состав населения по регионам России [электронный ресурс] // URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=0 (дата обращения: 30.05.2025).

Журман — Журман О. Приморский край: история заселения. Русский век. Портал для соотечественников [электронный ресурс] // URL: https://ruvek.mid.ru/publications/primorskiy_kray_istoriya_zaseleniya_5902/ (дата обращения: 30.05.2025).

Итоги 1990 — Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. В 12 тт. Т. 1: Численность населения союзных республик, их территориальных единиц, городских и сельских поселений. Ашхабад: [б. и.], 1990. 74 с.

Национальный состав 1990 — Численность населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1990. 377 с.

Первая всеобщая 6, 1905 — Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. под ред. Н. А. Тройницкого. Т. 6: Наличное население обоего пола по уездам с указанием преобладающих вероисповеданий и сословий. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905. 60 с.

Первая всеобщая 7, 1905 — Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. под ред. Н. А. Тройницкого. Т. 7: Наличное население обоего пола по уездам с указанием числа лиц преобладающих родным языком. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905. 38 с.

Предварительные итоги 1927 — Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 года по Дальневосточному краю. Хабаровск: Дальлит, 1927. 49 с.

Литература

Алексеев 1982 — Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки: до конца XIX века. М.: Наука, 1982. 288 с.

Блохинская 2011 — Блохинская А. В. История славянского заселения Амурской области в связи с формированием ее диалектного ландшафта // Слово: фольклорно-диалектический альманах. 2011. Вып. 9. С. 25–34.

Болонев 2013 — Болонев Ф. Ф. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки: до конца XIX века Амурская эпопея в XVII и XIX веках. Переселения старообрядцев (семейских) на восток России (XVIII – начало XX века). Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2013. 250 с.

Вологдина 2010 — Вологдина Е. С. Сельскохозяйственные переселения на российский Дальний Восток в 30-х годах XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 10(191). С. 68–73.

Жиромская 2001 — Жиромская В. Б. Динамика численности населения России в 30-е годы // Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2001. С. 34–60 [электронный ресурс] // URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2007/0313/analit07.php> (дата обращения: 15.06.2025).

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

Забияко 2023 — Забияко А. П. Русские остроги на Амуре в XVII в.: место в истории и исторической памяти // Археология евразийских степей. 2023. С. 111–125.

Занданова 2007 — Занданова Л. В. Основные этапы складывания советской переселенческой политики и формирования переселенческих органов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2007. С. 27–45.

Захаров 2024 — Захаров С. М. Молодежь и миграция: особенности дальневосточного кейса // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 114–125. DOI: 10.24866/1998-6785/2024-2/114-125

Зверев 2016 — Зверев В. А. Население Дальнего Востока 1895–1914 гг.: динамика естественного воспроизводства // Гуманитарные науки Сибири. 2016. № 1. С. 13–19.

Коваленко 2017 — Коваленко А. И. Переселение казаков на Дальний Восток во второй половине XIX – начале XX века // Амурский медицинский журнал. 2017. № 2. С. 106–108.

Колбина, Найден 2013 — Колбина Е. О., Найден С. Н. Эволюция процессов урбанизации на Дальнем Востоке России // Пространственная экономика. 2013. № 4. С. 44–69.

Крушинова 2012 — Крушинова Л. А. Особенности демографических процессов на Дальнем Востоке в 1980-х гг // Россия и АТР. 2012. № 2(76). С. 19–30.

Микрюков 2023 — Микрюков Н. Ю. Межрегиональная и международная миграции как факторы гендерных диспропорций в регионах России // Наука. Культура. Общество. 2023. № 4. С. 65–84. DOI: 10.19181/nko.2023.29.4.6

Митрошин 2023 — Митрошин И. В. Уровень жизни в отдельных регионах Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 2. С. 6–18. DOI: 10.22394/1818-4049-2023-103-2-6-18

Моисеева, Мищук 2024 — Моисеева Е. М., Мищук С. Н. Региональные особенности возрастной структуры миграции на Дальнем Востоке России // Народонаселение. 2024. Т. 27. № 4. С. 18–33. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-18-33

Мотрич 2006 — Мотрич Е. Л. Население Дальнего Востока России. Рос. акад. наук, Дальневосточное отд-ние, Ин-т экон. исследований. Владивосток; Хабаровск: ДВО РАН, 2006. 224 с.

Мотрич 2015 — Мотрич Е. Л. Роль миграции в динамике численности и составе населения Дальневосточного федерального округа // Региональные проблемы. 2015. Т. 18. № 3. С. 6–14.

Нефедова, Трейвиш 2006 — Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. Владивосток // География. 2006. № 15. С. 3–11.

Осипов, Тютюнников 2007 — Осипов Ю. Н., Тютюнников В. Т. О периодизации переселения крестьян на Дальний Восток России (1855–1917 гг.): историография вопроса // Вестник Дальневосточного аграрного университета. 2007. № 4. С. 98–104.

Основан Николаевский пост — Основан Николаевский пост на амуре. Федеральное государственное бюджетное учреждение «Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина» [электронный ресурс] // URL:<https://www.prlib.ru/history/619453> (дата обращения: 30.05.2025).

Платонова 2009 — Платонова Н. М. Российский Дальний Восток в 1965–1985 годы: специфика промышленного развития региона // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 119. С. 9–20.

Постановление Госкомтруда СССР и Президиума ВЦСПС № 380/П-18 — Постановление от 4 сентября 1964 г. № 380/П-18 «Об утверждении районных коэф

фициентов к заработной плате работников просвещения, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и общественного питания и других отраслей народного хозяйства, непосредственно обслуживающих население, занятых в районах Крайнего Севера и местностях, приравненных к районам Крайнего Севера» [электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901789282> (дата обращения: 15.06.2025).

Постановление СМ СССР № 1029 — Постановление от 10 ноября 1967 г. № 1029 «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 сентября 1967 г. (О расширении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера)» (с изменениями на 16 ноября 2021 года) [электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/9003198> (дата обращения: 15.06.2025).

Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС № 620 — Постановление от 15 июля 1964 г. № 620 «О повышении заработной платы работников просвещения, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и общественного питания и других отраслей народного хозяйства, непосредственно обслуживающих население» [электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901729595> (дата обращения: 15.06.2025).

Прохоров 2002 — Прохоров А. П. Эвакуация промышленности на восток (из опыта советской модели управления) // Россия и современный мир. 2002. № 4. С. 115–121.

Ткачева 2007 — Ткачева Г. А. Динамика численности и состава населения Дальнего Востока в 1941–1945 гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. Вып. 1. 2007. С. 60–74.

Ткачева 2010 — Ткачева Г. А. На алтарь Отечества... Дальневосточники на фронтах Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Россия и АТР. 2010. № 2. С. 5–15.

Чапаев 2011 — Чапаев М. Р. Меховая торговля и ее правовое регулирование в Российской империи в XIX в. // Теория и практика общественного развития 2011. № 7. С. 244–246.

Чернолуцкая 2011 — Чернолуцкая Е. Н. Колонизационные поселки при исправительно-трудовых лагерях на Дальнем Востоке (1933–1940 гг.) // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2011. № 1. С. 54–63.

Чернолуцкая 2014 — Чернолуцкая Е. Н. «Точка невозврата»: демографическая динамика на Дальнем Востоке СССР в годы перестройки (1985–1991) // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 23–37.